

Научная статья

УДК 338

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-243-252

ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОГЕНЕЗ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Марианна Львовна Крольман¹, Ксения Юрьевна Торговитская²✉

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Воронеж, Россия

¹mkrolman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0913-6196, SPIN-код: 3220-5076

²k.dryukova@inbox.ru✉, SPIN-код: 8788-6265

Аннотация. *Цель исследования.* Статья направлена на рефлексию концепта человека экономического в контексте классического либерализма и его соотнесение с российским культурным цивилизационным кодом.

Методология исследования базируется на сочетании методов трансдисциплинарной социальной философии и методологии философской и социальной антропологии.

Результат исследования. Легитимируются аргументы самоопровержения человека экономического в современных условиях социальной трансформации в тенденциях социальной и культурной полицентричности. Делается вывод о том, что человек экономический как конструкт, привнесенный в Россию в период либерального реформаторства, закрепился только на уровне монетизации общественных отношений и не стал новой формой совместной жизни людей, хотя и существует в рамках идеологии потребительства. Оптимистическая позиция автора по данному вопросу состоит в том, что человек созидательный как соединяющий ценностную и целевую рациональность переходит из идеала в социальную проекцию, которая предполагает ответственность совершаемых действий и свободу выбора в совместной жизни.

Перспектива исследования заключается в дальнейшем осмыслении специфики «человека экономического» в социокультурной и социально-антропологической перспективе.

Ключевые слова: человек экономический, человек созидательный, традиции, хорошее общество, либерализм, постмодернизм, наличное бытие человека

Для цитирования: Крольман М. Л., Торговитская К. Ю. Человек экономический: социокультурный антропогенез в современном обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 243–252. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-243-252>.

Original article

ECONOMIC MAN: SOCIO-CULTURAL ANTHROPOGENESIS IN MODERN SOCIETY

Marianna L. Krolman¹, Ksenia Yu. Torgovitskaya²✉

¹Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

²Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Voronezh, Russia

¹mkrolman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0913-6196, SPIN: 3220-5076

²k.dryukova@inbox.ru ✉, SPIN: 8788-6265

Abstract. *The purpose of the study.* The article is aimed at reflecting on the concept of economic man in the context of classical liberalism and its correlation with the Russian cultural civilizational code.

Research methodology is based on a combination of methods of transdisciplinary social philosophy and methodology of philosophical and social anthropology.

Result of investigation. The arguments of the self-refutation of the economic man in the modern conditions of social transformation in the trends of social and cultural polycentricity are legitimized. The conclusion is made that the economic man as a construct introduced to Russia during the period of liberal reformation was fixed only at the level of monetization of public relations and did not become a new form of people's life together, although it exists within the framework of the ideology of consumerism. The author's optimistic position on this issue is that a creative person who combines value and goal rationality moves from an ideal to a social projection, which assumes responsibility for the actions performed and freedom of choice in life together.

Research perspective is to further comprehend the specifics of the «economic man» in a socio-cultural and socio-anthropological perspective.

Keywords: economic man, creative man, traditions, good society, liberalism, postmodernism, human existence

For citation: Krolman M. L., Torgovitskaya K. Yu. Economic man: socio-cultural anthropogenesis in modern society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 243–252. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-243-252>.

Введение. Человек в современном обществе является «заложником неординарной и нелинейной ситуации» — вынужден реализовать социальную субъектность в условиях эпохи постмодернизма или, по выражению З. Баумана, спонтанности и неопределенности «индивидуализированного общества» [1], поэтому существует необходимость рассматривать человека как «Homo sapiens» только в динамике совместной индивидуальной жизни людей. Постулируемое классической философией абстрактное рассуждение о разумном человеке уже в XIX в. подверглось сомнению со стороны сторонников этнопсихологического и этногеографического подхо-

дов, раскрывших контекстуальность в представлении образа человека в различных культурах. Концепция человека «западного типа» является волюнтаристской и евроцентрической, что определяется европейской интеллектуальной историей [14].

В России под тенью «православной» и общинной традиции становление человека определялась доминантой коллективности, симфонией власти, общества и церкви, даже под нападками триады С. С. Уварова [9]. Сам автор данной концепции, хотя и был носителем официального самодержавия и «канул» во времени, остается личностью, объективно заложившей основы не прекращающейся

дискуссии между западниками и славянофилами, сторонниками конституционно-реформистского пути развития России и революционных преобразований [8]. Поскольку история не терпит сослагательных наклонений, можно сказать, что наше общество прошло тот путь, который нельзя реставрировать, необходимо не бесплотно мечтать, а, реалистично оценивая прошлое, настоящее и будущее, самоопределившись в современном мире, прошедший путь эйфории и глобализации к формированию новых центров силы в политической и социальной полицентричности.

Необходимо сказать, что социальный антропогенез не инвариантен, не воспроизводится по вечным установленным схемам, поэтому в данном контексте актуальным является определение человека «экономического», ассоциируемого с наследием либерализма, но имеющего в современности смысловой сдвиг к утверждению аксиоматики и экономики, которое нельзя ограничивать тривиальной фразой об «экономоцентризме» и видеть крутой поворот в разрыве между нравственной и социальной традициями то, что в настоящее время называется категоризацией «пользы». Марксистская критика теории отчуждения человека являлась первым признаком в определении изменений антропогенеза человека, если понимать под ней выведение человека и человеческого существования из бремени метафизики, замещения социальных и культурных форм жизни человека рыночной доминантой. В контексте реализуемой на Западе культуры «отмены» включение Российской Федерации в список санкционного режима с помощью нерыночных регуляторов, приоритета политических амбиций над социально-экономической целесообразностью становится очевидным то, что поворот в классической философии, где человеку как индивиду, обладающему способностью «прагмы» и ориентированного на рынок, который выступает как аргумент в сохранении суверенитета человека, самозащиты против вмешательства государства, выступающего в роли ограничителя и внеэкономического принудителя, становится «зыбким» и теряющим свойство логичности и последовательности. Российское общество постепенно излечивается от синдрома рынка и в то же время остается гибридным, соеди-

няющим веру в действенность формулы свободного обмена и апологии предприимчивости, деловитости одновременно с попытками выявить новые механизмы социально-экономического воспроизводства, что является малопродуктивным и малорезультативным вне рамок анализа человека как личности в системе общественных отношений.

Таким образом, социально-философская мысль вынуждена ставить проблему человека под другим углом — в контексте вопроса человека экономического. Общество не может быть удовлетворено одними уверениями в естественности рынка, и в той же степени мы не в состоянии вернуться к модели человека «советского». Вероятно, акценты исследовательского человека экономического полезны с точки зрения концептуальных представлений динамики человеческой природы, что в свою очередь ограничивает воздействие абстрактных схем о «человеке разумном и человеке безумном» и содержит социально преобразующий смысл, определение горизонтов социальной эсхатологии, осознание, по выражению немецкого философа Р. Гвардини, величайших возможностей и великих опасностей, определяемых человеческими желаниями, надеждами и совокупностью социальных обстоятельств и факторов [10].

Не создавая новую социальную мифологию, испытывая жажду в человеческой зрелости и отчетливо понимая, что историю нельзя повернуть вспять, необходимо определить условия перехода к новому экзистенциальному уровню в жизни человека посредством поиска новых «троп» и, сохраняя приверженность идеалов личности как субъекта общественной жизни, поддерживать уже достигнутый уровень внутренней жизни каждого отдельного человека в сфере приватного пространства, к которому россияне уже привыкли, но в общественном сознании, к сожалению, утвердилась формула, в которой каждый человек имеет свое мнение, собственный стиль жизни [15]. По всей видимости, проблема заключается в том, в какой степени могут реализоваться в сложившейся институциональной системе инструментальные и нравственные прагматические установки человека. Это свидетельствует о том, что потребность в социальной симпатии, в ответственном коллективизме, в пропорции

общественных и групповых интересов фиксируются, переводя на социально-философский язык, на осмыслении феномена человека экономического в парадигме «достоинств» и «провалов».

Методология исследования. Определение характеристик проблемы и ее существенных свойств диктует необходимость применения классического и неклассического подходов, что связано с социальным антропогенезом человека. В этом контексте ясным и обоснованным становится выбор единства логического и исторического, базисного по отношению к разнообразным проявлениям человеческой природы в эпоху модернити. Действительно, человек экономический, являясь интеллектуальным продуктом либерализма, потерял свое экзистенциальное измерение в момент перехода в неолиберализм со схемой, по выражению английского философа И. Бенстама, личного интереса, которая определяет мораль человека и является таким же физическим законом, как гравитация И. Ньютона [13].

Очевидно, что «Homo theological» как фигура Средневековья был ориентирован на божественное признание сотворенности и «ничтожности» перед божественной сущностью и картина мира была связана с верой библейского откровения [4]. В Новое время научно-исследовательский подход отстранился от понятия «авторитет» и в целом порядок совместной жизни, антропогенез, воплощался в трансцендентности как соединение порядка жизни с Откровением. Эти воззрения, обозначаемые как субъективный поворот, секуляризация человека и человеческой жизни, вывели в приоритет человека действующего, познающего с целью основания и распремечивания мира, и на место авторитету Церкви и традиции пришел авторитет исследователя и прагматика. Человек экономический как воплощение «экономикса» не испытывал преклонения ни перед религией, ни перед природой, для него важными становятся инструментальная рациональность, отказ от субстанционализма и принятие образа человека как средоточия предметного мира, упразднения привычного сущего и привычки понимать сущее через призму пользы и эффективности, переводя

божественность космоса в состояние ойкумены, утилитарного существования [3].

Таким образом, человек экономический становится субъектом жизнедеятельности, но важно учитывать возникшие и унаследованные вечные зависимости, что в эпоху позднего модерна, когда идеология рациональности ограничивается и имеет тенденцию к исчезновению, становится важным. Это связано со стремлением сохранить человека экономического как наследие модерна путем обращения к схеме коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса или нового золотого правила А. Этциони. Это связано с акцентом на ответственность человека под влиянием проблемы общего блага как нового социального порядка [11].

Таким образом, методология исследования, актуализируя логику категоризации и рефлексии человека экономического, признает влияние «исторической» квинтэссенции, состоящей в том, что человек экономический, являясь продуктом западной цивилизации, уступает место человеку креативному, постчеловеку, в зависимости от идеологических, прагматических симпатий в современной зарубежной методологии.

Отечественная социально-философская мысль в какой-то степени не преодолела период растерянности, что является следствием отрицания марксистской схемы человека и принятия либеральной утопии неотвратимости человека экономического. Состояние постмодерна, описанное как смещение от нарратива о человеке к признанию дивидности (делимости) человека как субъекта, носит тотализирующий характер, делая теоретически бессодержательным позитивный резонанс в поиске человека в совершенном обществе.

Поэтому для отечественной социальной мысли действует сильный аргумент в пользу обращения к наследию российской цивилизации, к поведенческому коду «самодостаточности и жертвенности», к традиции русской «почвенности», пониманию человека экономического как источника ксенофобии, расизма в радикальном варианте фашизма. Не сосредотачиваясь на идеологических экспликациях, можно сказать, что важным является обнаружение свойств человека экономического как конструкта либеральной мысли,

делающего человека носителем конкуренции, пользы, индивидуализма и, не ограничиваясь вышеперечисленными характеристиками, удовлетворяться от сокрушительной критики. С обоснованием идеи самоограничения человека экономического в российском обществе, с признанием форм социального опыта россиян в постсоветскую эпоху появляется возможность наладить конструктивный межпоколенческий диалог, обозреть гуманистическую перспективу и определить пространство свободы современного человека.

Соответственно, траектория жизни человека — это долгий и нелинейный процесс. При общих посылах очевидной становится не степень критики человека экономического в качестве предполагаемого методологического конструкта, содержащего диалектическое соотношение социального опыта и требующего особого внимания к структурной деятельности и социально-рефлексивным (субъективным) параметрам анализа человека, в современном мире включенного в процесс глобализации.

Содержание. Примечательно, что в 90-е г. XX в., когда российское общество захватила рыночная эйфория и провозглашался принцип социального равенства, у представителей зарубежной либеральной мысли сформировалось чувство обеспокоенности о человеке экономическом. Как подчеркивал Р. Дворкин, попытка построения теории либерализма в современном обществе заставила многих усомниться в самостоятельности отдельной теории, что явно некорректно в сложившихся современных условиях [12]. Чтобы говорить о важнейших социально-политических принципах либерализма в качестве требования, необходимо оставаться приверженцами прав, свобод и противостоять «консерваторам», переставшим быть важной социальной силой.

Современный либерализм перешел в фазу неолиберализма и имеет своим последствием распространение идей либертарианства, приведшее Запад и сторонников либерализма в Российской Федерации к разочаровывающим результатам и к тому, что американский исследователь Д. Мюррей называл «безумием толпы», то есть следованию принципам толерантности, означающей

терпимость к присвоению демократии меньшинствами и дискредитацию традиционного трудового кодекса интерсексуалами, становясь не только риторикой, обостряющей общественные проблемы, но и превращаясь в фундаментальные ценности современного либерализма [7].

Проявляется пронизательность М. Вебера, писавшего, что гиперрациональность современного мира становится иррациональностью [10]. Исходя из этого, можно говорить о том, что человек экономический приносится в жертву человеку «корректному», и стремление либеральных теоретиков достичь баланса между идеей политического и экономического равенства на основе разумных ограничений, представить неолиберализм как альтернативу утилитаризму является апологией свободы выбора, свойственного человеку экономическому. Вместе с тем предлагаемые способы борьбы с неравенством не являются адекватным ответом на антропологический кризис, которое, несмотря на внешнее разнообразие причин и поводов, можно вывести из кризиса идей инструментальной рациональности и из того, что либерализм не допускает патриотизма, семейных ценностей, будучи убежденными, что консерватизм есть холизм, легитимация вмешательства государства в частную жизнь индивида, личности [6]. Речь идет о том, что постчеловек в качестве неясного ориентира делает возможным «преформации» вместо жизненного мира, контекстуальность в качестве наделения личности постморалью, то есть интерпретацией подлинного человеческого общения, деятельности в рамках либерализма в социальных маргиналах.

Победные теоретические свидетельства имеют важный смысл для обоснования вывода, что в российском обществе человек экономический может быть принят в контексте самоограничения и самодостаточности, отказа от «богатства и власти» принятием кодекса гармонии и сбережения. Это звучит в некоторой степени абстрактно, отвлеченно от реалий жизни, но сила социально-философской мысли выражается в качестве социального проектирования человека «созидающего», и это не должно являться результатом социальных и информационных технологий. Реальность такова, что исходной для социокультурного

понимания человека в российском обществе является оценка его возможностей и субъективных предпосылок, особенно прошлого, без которого бытие человека не становится отношением между настоящим и будущим. Это означает, что критическому осмыслению может быть подвергнута модель потребительства как обыденного явления человека экономического, утвердившаяся в российском обществе в предшествующий исторический период.

Сложность состоит в том, что человек экономический является жертвой эпохи «изобилия» и щедрости, внедрения форм социального и экономического маркетинга и не может опираться на критику человека одномерного, вызывать к традиционным ценностям, поскольку они могут быть «мертвы» для современного человека, если он не воспринимает свое бытие диалектически, не стремится к состоянию гармонии внутри себя и не нацелен на социальную эмпатию, сострадание и понимание другого. В условиях исчезновения живости и переживания и существования делового подхода к другим исчезает чувство соразмерности «хочу-могу», отсюда — определенная степень напряженности, связанная с современными внешними вызовами. По существу, оставаться на позициях человека экономического означало бы постоянное воспроизводство в обществе недовольства, сужение привычного потребительского формата, которое может иметь следствием расширение сферы вмешательства в приватную жизнь посредством возвращения к практикам социального нормирования, но с другой стороны в качестве позитивного шага можно сказать, что человек является представителем уникального порядка, выпадающего из пространства детерминизма.

Важно, что человек экономический является преходящей формой человеческого существования, что есть примеры обществ, достигающих экономического роста на основе сохранения культурной традиции (Индия, Китай), но здесь есть существенное отличие россиян от китайцев и индийцев, поскольку они не могут под влиянием собственной культурно-цивилизационной матрицы принять социум как власть в самом себе.

В результате есть ориентир «хорошего общества», поиска коллективных возможностей, организаций и самоорганизаций, где рассмат-

риваемый процесс выходит далеко за рамки экономики и связан с сочетанием естественной эволюции и ускорениями в жизни общества, с принятием формулы человека в современном обществе как сочетающего ценностные легитимации с самостоятельным социальным выбором, базирующимся на соединении ценностной и целевой рациональности.

Другим аргументом является сохранение идентичности, подвергнутой испытаниям в период глобализации, но ставшей конструируемой реальностью в условиях противостояния коррозии национального характера. Вероятно, это звучит отвлеченно, когда в массовом сознании происходит процесс адаптации и приспособления к изменившимся социальным и экономическим состояниям. Таким образом, антропогенез как пространство совместной жизни перестает быть схемой оптимизма, но ясно, что быть человеком созидающим превращается из идеала в социальную проекцию при минимизации формального и организованного порядка, и надежды на ростки добровольчества, самоорганизации, инициативности становятся вполне реальными. Идеал «хорошего общества», как писала российский философ В.Г. Федотова [17], не является ответом на западный вызов, это есть вопрос к самому российскому обществу, к тому, что социальный антропогенез фиксирует в стремлении разделяемым большинством людей желание сочетать свободу и справедливость, приемлемый социальный порядок, и исходить из знания своих слабостей и достоинств и в качестве признания требований, которые могут быть одобрены человеком «массы», актором, по выражению П. Бурдьё, носителем габитуса, социальных алгоритма и схем, делающих жизнь стабильной [11]. Здесь заслуживает внимания интересная мысль о том, что государство должно работать выше и ниже рынка, имея целью поддержку образования, культуры, науки в контексте ограничения экономического развития с приоритетами суверенизации экономики и через реальные результаты восстановление разорванной традиции социального блага и экономических свобод [5].

Немецкий исследователь У. Бек писал в конце 90-х г. XX в., что мы находимся на пути к другому модерну, к обществу, у которого размываются прежние социальные

и классовые традиции [2]. В этом смысле обнаруживаются противоречия между теми, кто производит, и теми, кто потребляет общественное благо. В этом отношении человек оказывается намеренно или невольно в состоянии перманентных рисков, а если данное положение конкретизировать к человеку в российском обществе, то в первую очередь оно касается горизонтов будущего, и ключевое значение обретает внутренний выбор личности. Эти аргументы могут быть разработаны в двух направлениях осмысления опыта либерализации российской общественной жизни, подкрепляемой созданием образа человека экономического, и изменений в сторону социального согласия, реального правового равенства, включающего идеал социальной меритократии.

Заключение. В отличие от социологии, которая внешне была ретикuliaцией на абстрактные характеристики человека и которая ориентировалась на обеспечение адаптации человека, социально-философская мысль рассматривает личность как проекцию социального бытия совместной жизни людей. Очевидно, что субъективный поворот в философии эпохи Просвещения, открывшей горизонты модернити современного общества, коренным образом изменил предшествующую концепцию теоцентризма, и для отечественной философской мысли сложность заключается в том, какие формы человеческого бытия закрепляются или исчезают в российском обществе. Выводом можно считать, что мы находимся на долгом пути познания человека созидającego, соединяющего ценностное и целевую рациональность, традиционность и признание новых форм наличного бытия.

Как следствие — человек экономический, опровергнутый в дискуссии либерализма о ценности либеральных свобод и прав, конкурентности и равенства, показывает ограниченность попыток придать либерализму новое дыхание в неолиберализме посредством отказа от всеобъемлемости либерализма как антропологической теории. Неолиберализм как апология человека экономического на основании легитимации существующих диспропорций и «хорошего общества» как управляемого разумом свободных и действующих

сообща индивидов диагностирует наступление человека «корректного, толерантного».

Однако, ограничиваясь суждением этих новых причин и объясняя риски человека экономического, есть смысл говорить о человеке в современном российском обществе в качестве субъекта совместной жизни, для которого идеал «хорошего общества» может принять достижимые формы только при условии перехода от демонстративного потребительства к традиционным коллективным ценностям, самоограничения и самодостаточности. Самоограничения в принятии разумных потребностей, самодостаточности в переводе надежд и мечтаний в осознании пропорций внешних пределов и субъективных шансов. Другими словами, человек экономический сыграл мобилизующую роль в становлении модернити, и нет нужды видеть в нем сосредоточение «зла и бед», но и аргументы пользы, благополучия человека не должны сеять иллюзии духовного опустошения, свойственного гонке за жизненным успехом.

В результате это не значит, что жизненный мир открывает новые «религиозные» чувства, человек просто перестает ощущать мир в качестве объекта хозяйствования и свободы, где чувства правильности и разумности проявляются в уважении к взрослому человеку, соразмерности человеческого в человеке как состоянии отвечать за свои поступки и действия в силу осознания своей человечности.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Ильин В.В. Критика инструментального разума. *Speciosa Miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, 2020. 160 с.
4. Каракаев Б.С. Средневековье. М.: АСТ, 2021. 256 с.
5. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экс-

периментальной социологии; СПб.: Алетеия, 1998. 160 с.

7. Мюррей Д. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угождать всем / Пер. с англ. Н. А. Ломтевой. М.: РИПОЛ-классик, 2022. 480 с.

8. Пути России. Альтернативы общественного развития 2.0: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 600 с.

9. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2020. 528 с.

10. Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 640 с.

11. Смит Р. История гуманитарных наук / Пер. с англ. Д. М. Носова. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.

12. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 248 с.

13. Стевенсон Л. Десять теорий о природе человека / Пер. В. В. Васильева. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 240 с.

14. Тернер Ф. М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше / Пер. англ. Т. О. Новиковой. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.

15. Трудюлюбов М. Частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

16. Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберга. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

17. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Per. s angl. V. L. Inozemceva. Moscow: Logos, 2005. 390 p. (In Russ.).

2. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Per. s nem V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. Moscow Progress-Tradicija, 2000. 384 p. (In Russ.).

3. Il'in V. V. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyj mirovejnik

[Criticism of instrumental reason. Speciosa Miracula: total collar]. Moscow: Prospekt, 2020. 160 p. (In Russ.).

4. Karakaev B. S. Srednevekov'e [Middle Ages]. Moscow: AST, 2021. 256 p. (In Russ.).

5. Kozlovski P. Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyj dualizm [Society and the state: inevitable dualism]. Moscow: Respublika, 1998. 368 p. (In Russ.).

6. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The state of postmodernity]. Per. s fr. N. A. Shmatko. Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg: Aletejja, 1998. 160 p. (In Russ.).

7. Mjurrej D. Bezumie tolpy. Kak mir soshel s uma ot tolerantnosti i popytok ugodit' vsem [The madness of the crowd. How the world went crazy from tolerance and attempts to please everyone]. Per. s angl. N. A. Lomtevoj. Moscow: RИPOL-klassik, 2022. 480 p. (In Russ.).

8. Puti Rossii. Al'ternativy obshchestvennogo razvitija 2.0: sbornik statej [The Ways of Russia. Alternatives to social development. 2.0: collection of articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 600 p. (In Russ.).

9. Pyzhikov A. V. Grani russkogo raskola. Tajnaja rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda [The facets of the Russian split. The secret role of the Old Believers from the 17th century to the 17th year]. Moscow: Konceptual, 2020. 528 p. (In Russ.).

10. Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka. Zapadnaja Evropa i SShA [Self-awareness of culture and art of the XX century. Western Europe and the USA]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, 2000. 640 p. (In Russ.).

11. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk [History of the Humanities]. Per. s angl. D. M. Nosova. Moscow: Izd. Dom GU VShJe, 2008. 392 p. (In Russ.).

12. Sovremennij liberalizm: Rolz, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sjendel, Tejlор, Uoldron [Rolls, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sandel, Taylor, Waldron]. Per. s angl. L. B. Makeevoj. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, Progress-Tradicija, 1998. 248 p. (In Russ.).

13. Stevenson L. Desjat' teorij o prirode cheloveka [Ten theories about human nature]. Per. V. V. Vasil'eva. Moscow: SLOVO/SLOVO, 2004. 240 p. (In Russ.).

14. Тернер F. M. Evropejskaja intellektual'naja istorija ot Russo do Nicshhe [European in-

tellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Per. angl. T.O. Novikovej. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 384 p. (In Russ.).

15. Trudoljubov M. Chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii [Private space, power and property in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. 246 p. (In Russ.).

16. Uolcer M. O terpimosti [About tolerance]. Per. s angl. I. Mjurnberg. Moscow: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. 160 p. (In Russ.).

17. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo [Good society]. Moscow: Progress-Tradicija, 2005. 544 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 13.10.2022.

The article was submitted on 13.09.2022; approved after reviewing on 28.09.2022; accepted for publication on 13.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крольман Марианна Львовна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Гражданское право», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области философии права. Стаж научной работы — 7 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 37

Marianna L. Krolman — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil law, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of research on Philosophy of Law. 7 years of research experience.

37 Kosmonavtov av., Rostov-on-Don, Russia

Торговитская Ксения Юрьевна — преподаватель кафедры русского и иностранных языков, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Россия, Воронеж, пр. Патриотов, 53

Ksenia Yu. Torgovitskaya — Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

53 Patriotov av., Voronezh, Russia

Вклад авторов:

Крольман М.Л. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Торговитская К.Ю. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Krolman M. L. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Torgovitskaya K. Yu. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on ver-sion of the text; final conclusions.